

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД: ИХ СООТНОШЕНИЕ

ном исследовании данной культуры. В известном смысле сеть культурных моделей цивилизации индексируется в языке, выражающем эту цивилизацию. Наивно думать, будто можно понять существенные контуры культуры одним только наблюдением без опоры на языковой символизм, который делает эти контуры значимыми и ясными для общества...

Язык является проводником по „социальной действительности“. Хотя обыкновенно язык не считается особо интересным для социологов, он властно обуславливает все наши раздумья над социальными проблемами и процессами. Люди живут не в одном лишь объективном мире и не в одном лишь мире социальной деятельности, как обычно представляют, но в значительной мере находятся во власти конкретного языка, который стал средством выражения для их общества... Суть дела в том, что реальный мир в большой степени неосознанно строится на языковых обычаях группы... Мы видим, слышим и строим весь наш чувственный опыт именно так, а не иначе в значительной степени потому, что языковые обычаи нашего общества предрасполагают к выбору определенной интерпретации» (S a r i u 1949, 161–162).

Ср. также мнение Г. Хойера: «Из этих высказываний [цитируемых из Сепира и Уорфа], если они правомерны, явствует, что язык играет большую и важную роль в том целом, которое является культурой. Отнюдь не сводясь к простой технике общения, он сам служит регулятором восприятия его носителей и предоставляет им привычные способы анализа опыта по значимым категориям. И в той мере, в какой языки заметно отличаются друг от друга, мы должны ожидать встречи со значительными и труднопреодолимыми барьерами на пути к межкультурной коммуникации и пониманию» (H o i j e r 1954, 94).

¹¹ Ср. замечания Дж. Гринберга: «Существование различаемых ЭЕЗ [Элементарных Единиц Значения] заставляет предполагать различия в реакции на ситуации, обозначаемые терминами. Оно ничего не говорит, однако, о природе таких различий. Например, существование отдельных неразложимых терминов для брата отца и брата матери заставляет полагать различие в отношениях с этими родственниками. Но эти термины не говорят, в чем состоит данное различие, например, следует ли к первому относиться с почтением, а ко второму фамильярно. Чтобы установить это, мы должны наблюдать поведение — как вербальное, так и невербальное, т.е. что обычно говорится и делается по отношению к брату отца и брату матери» (G r e e n b e r g 1954, 9–10).

¹² Известный детский фильм студии Уолта Диснея.

1.0. В своей рецензии на исследование В. Гумбольдта «Бхагавадгита» («Божественная песнь», 1827) — рецензии, которую можно считать вкладом одновременно и в структурную семантику, и в контрастивную лингвистику, и в теорию перевода (C o s e r i u 1977), — Гегель пишет:

«Природе вещей противоречит требование, чтобы слово языка какого-то народа... передавалось таким словом нашего, которое соответствовало бы ему в его полной определенности. Слово нашего языка дает нам *наше* определенное представление о соответствующем предмете и именно поэтому не представление другого народа не только с иным языком, но и с иными представлениями».

1.1.1. О каких же «представлениях» пишет здесь Гегель? Речь идет прежде всего о представлениях, которые связаны с жизнью и с внеязыковой культурой определенного сообщества и которые могут быть «даны» в тексте эксплицитно или имплицитно как принадлежащие тексту. Приведу пример из одного рассказа румынского писателя М. Садовяну из сборника «La Hanul Ancuței» («В харчевне Анкуцы»):

«Стояла золотая осень, когда в харчевне Анкуцы я слушал множество разных историй. Но было то в далекие, давно прошедшие времена, в тот год, когда в Ильин день на землю обрушился настоящий потоп и, как поговаривали люди, в облаках над темными струями Молдовы был виден черный дракон. И доселе не виданные птицы, которых буря гоняла туда и сюда, неслись по воздуху на запад. А Мош Леонте искал совета в своем астрологическом справочнике, толковал знаки императора Ираклия и доказывал, что птицы, чьи крылья искрились инеем, оказались занесенными сюда с далеких островов на краю света, с которых они поднялись, чтобы возвестить о войне между монархами и об обильном урожае винограда.

Действительно, вскоре после этого Белый император направил своих москвитов против язычников, а Бог во исполнение предзнаменований знаков зодиака ниспослал на равнинных виноградниках такой обильный урожай, что виноградари даже не знали, куда же им разливать молодое вино».

Перевод*, конечно, не очень удачен, в особенности в чисто «техничес-

Eugenio C o s e r i u. Kontrastive Linguistik und Übersetzung: ihr Verhältnis zueinander. — In: «Kontrastive Linguistik und Übersetzungswissenschaft. Akten des Internationalen Kolloquiums. Trier/Saarbrücken. 25–30.9.1978». München: Wilhelm Fink Verlag, 1981, p. 183–199.

© 1981 Wilhelm Fink Verlag, München

* Косериу имеет в виду перевод приводимого им отрывка с румынского языка на немецкий. — *Прим. перев.*

ком» отношении. Но для нас это несущественно. Вначале спросим себя, что именно в приведенном кратком тексте «дано» внеязыковыми средствами. Это мир легенд и мифов, а также соответствующих представлений о мире. В рассказе речь идет о мире, в котором прошедшие годы обозначаются не жестко заданной последовательностью чисел, а с помощью памятных событий (в данном случае: мощный ливень в Ильин день); о мире, в котором дождь связывается с черным драконом; о мире, в котором все необычное (здесь: не виданные ранее птицы) истолковывается как предвестие грядущих событий; о мире, в котором земля имеет пределы, и там, на краю света, расположены острова; о мире, в котором всё заранее предначертано и в котором войны и обильные урожаи бывают лишь ради того, чтобы подтвердить знамения знаков зодиака. Однако не этот мир является непосредственным предметом повествования в тексте. Напротив, этот мир предполагается и служит фоном. Этот мир необходимо знать, чтобы понимать содержание рассказываемого. И назначение всего приведенного отрывка из данного рассказа как раз и состоит в том, чтобы «ввести» в этот особый мир, т.е. особые культурные рамки. Этот мир не описывается (здесь не говорится: молдавские крестьяне верили, что...), он лишь просвечивает как фон для отдельных высказываний. Данная текстовая функция реализуется одновременно и внеязыковыми (внеязыковое знание культурных рамок), и языковыми средствами (слова, соотносящиеся с этими культурными рамками). Такую функцию и вообще подобного рода содержание, выражаемое только в текстах (= речевых актах или последовательностях речевых актов), будем называть *смыслом*.

1.1.2. Не в каждом случае смысл столь сложен, как описанный выше. И не всегда смысл выражается внеязыковыми средствами либо одновременно внеязыковыми и языковыми. Существуют и простые единицы смысла, передаваемые только чисто языковыми средствами, например: вопрос, ответ, приветствие, обращение, возражение, констатация, побуждение, приказ и т.д.¹

1.2.0. Смысл необходимо строго ограничивать от двух других разновидностей содержания, которые, по терминологии Гегеля, тоже были бы «представлениями», а именно *значение* (Bedeutung) и *обозначение* (Bezeichnung)*.

1.2.1. У Платона есть высказывание: *Vasa refero salva*. Утверждают, что его значение непристойно. А почему, собственно говоря? У этого выражения простое значение: «инструменты (приборы, вооружение) я приношу обратно в целости и сохранности». Непристойен его смысл, то, что имеется в виду, а именно обозначение, ибо *vasa* в данном случае обозна-

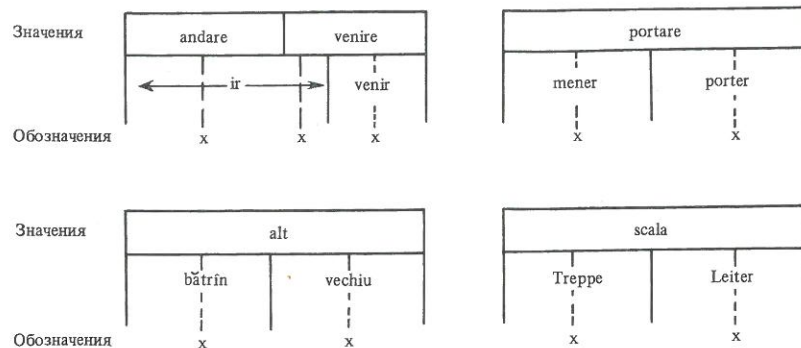
* В первом случае можно было бы сказать «сигнификативное значение», а во втором — «денотативное значение». — *Прим. перев.*

чает совершенно особый (телесный) «инструмент». Это обозначение может быть извлечено из контекста и соответствующей ситуации. Или еще один пример: *Grau, teurer Freund, ist alle Theorie, / Doch grün des Lebens goldner Baum*. «Серá, дорогой друг, всякая теория, но зелено древо жизни золотое». Высказывалось мнение, что, строго говоря, эти предложения алогичны, противоречивы и даже абсурдны, поскольку теория не может быть «серой», древа жизни не существует, а тем более такого, которое одновременно было бы и зеленым, и золотым. Однако любому известно, что эти принадлежащие Гёте строки вовсе не бессмысленны и что их может посчитать бессмысленными лишь тот, кто к ним подходит именно «не строго». Ведь Гёте не утверждает, что определенное дерево во внеязыковой действительности одновременно и золотое, и зеленое. Напротив, он говорит о равноценности символизированного с помощью прилагательного *grün* «зеленый» (зеленым цветом) и символизированного с помощью прилагательного *golden* «золотой». Именно это, а не сказанное буквально является действительным текстовым содержанием этих строк (Coseriu 1976, 23). Противоречие существует между значениями и обозначениями (так как в немецком языке *grün* и *golden* не означают «того же самого», то они не «синонимичны»). Но это противоречие снимается на уровне смысла. Более того: смысл данных строк создается именно в результате того, что в немецком языке это противоречие существует и одновременно снимается. В каком-либо ином контексте противоречие могло бы сохраняться и на уровне смысла (например, если необходимо было бы охарактеризовать определенное дерево, ибо такое дерево могло бы быть в лучшем случае частично зеленым, а частично золотым). Иными словами, при одинаковых значениях и одинаковых обозначениях смысл может быть разным, как, впрочем, и одинаковый смысл может быть передан с помощью совершенно разных значений и разных обозначений.

1.2.2. *Значение* — это содержание, создающееся в конкретном языке (например, в немецком, французском и т.д.) на основе существующих в нем оппозиций как в грамматическом строе, так и в словарном составе. Напротив, *обозначение* — это внеязыковая «референция», соотнесение с именуемой в каждом отдельном случае внеязыковой действительностью — с «предметами» (или фактами, положениями дел) или с самой внеязыковой действительностью. И в этом случае и на уровне грамматики, и на уровне лексики. Так, немецкое *mit* X обладает лишь весьма отвлеченным значением, которое можно интерпретировать или как «совместность», «сосуществование» («Konkomitanz»), или как «соприсутствие» («Kopräsens») (например: и X тут же). Поэтому и конструкция *mit dem Messer* — в противоположность широко распространенному мнению — сама по себе (т.е. в немецком языке как таковом) не имеет «инструментального значения». В немецком языке эта конструкция означает не «ножом как инструментом», а примерно: «и нож здесь же, участ-

вуя некоторым образом в изображаемом или обсуждаемом' (Coseriu 1970 а, 117)². «Инструментальным» в соответствующих условиях может быть обозначение. На это нам указывает не сам немецкий язык, а контексты и ситуации (т.е. в конечном счете мы узнаем это благодаря общему или конкретному значению «предметов», поскольку одно и то же значение немецкого mit X может использоваться для совершенно иных обозначений (например: mit Zucker 'с сахаром', mit Maria 'с Марией' и т.д. или даже mit dem Messer 'с ножом' в словосочетании der Mann mit dem Messer 'человек с ножом', где не ощущается никакого инструментального значения).

1.2.3. Значения используются в речевых актах для обозначения. И с этой точки зрения значение — это зафиксированная в конкретном языке возможность для определенных обозначений, но не конкретное обозначение. Так, немецкое mit X вычленяет очень широкую шкалу возможностей: «и X здесь же (как инструмент, материал, спутник, соучастник и т.д.)», причем обозначение в каждом конкретном случае считается неопределенным и конкретизируется лишь контекстом и ситуацией. В другом языке вычленение могло бы быть осуществлено как-нибудь по-иному. Например, значение «как инструмент» могло бы быть ограничено от всех остальных значений (и в таком языке «инструментальность» существовала бы действительно как значение, а не как возможность для разных обозначений). В словаре это (во всяком случае, лучше, чем в сфере грамматики) хорошо известно. Поэтому такие слова, как ит. andare — исп. ir 'идти', ит. venire — исп. venir 'приходить', ит. portare — фр. mener 'вести', ит. portare — фр. porter 'нести', нем. alt — рум. bătrîn 'старый' (о людях), нем. alt — рум. vechiu 'старый', ит. scala — нем. Treppe 'лестница', ит. scala — нем. Leiter в определенных условиях могут обозначать совершенно одно и то же. Но означают они не одно и то же, поскольку в каждом отдельном случае они связаны с разным вычленением возможностей обозначения:

2.1. Как же обстоит дело с переводом, если принимать во внимание эти три разновидности содержания — значение, обозначение и смысл? При переводе имеют дело лишь с содержанием текстов, ибо переводят только тексты (только их можно перевести). Это подразумевает, что значения в принципе непереводимы, поскольку, за исключением особых случаев, когда речь идет о самих значениях, они не входят в содержание текста. Содержание текста охватывает только обозначение и смысл. «Представления», соответствующие значениям конкретных языков, в действительности «нережимимы». Но они и не являются «тем, что необходимо переводить». Значения как таковые принадлежат конкретному языку, а в текстах они всего лишь инструменты для определенных обозначений. В тексте обозначение осуществляется с помощью определенного значения, так что с этой точки зрения «интерпретация текста» — это не что иное, как «идентификация обозначений с помощью значений, имеющихся в соответствующем конкретном языке». А «перевод» заключается в том, чтобы «для идентифицированных обозначений в языке перевода найти значения, способные передать именно эти обозначения» (Coseriu 1978a, 21 сл.).

2.2. Вместе с тем перевод в узком смысле (передача — Übertragung) затрагивает лишь то, что в тексте выражено средствами языка. Однако к содержанию текста, как было сказано выше, относится не только обозначение, но также — и прежде всего — смысл. А смысл выражается не только языковыми средствами (т.е. значениями, которые в каждом случае что-то обозначают), но и внеязыковыми средствами или не только использованием языковых средств по их прямому назначению. Из этого следует, что смысл, хотя и должен быть переведен (т.е. он должен содержаться и в тексте перевода), но его часто не удается «передать» полностью (Coseriu 1978a, 25 сл.). Однако оставим пока смысл в стороне и внимательнее рассмотрим проблемы, возникающие в связи с обозначением, поскольку именно в этом плане проблематика теории перевода теснее связана с проблематикой контрастивной лингвистики.

2.3. Языки — это системы значений, специфические комбинации возможностей обозначения, и отсюда следует, что они в принципе позволяют обозначать «одно и то же» с помощью различных значений: идентичность значений в различных языках — если отвлечься от близкородственных языков, но часто и в них — скорее исключение, чем норма. Задача перевода — поскольку именно обозначения в исходном тексте и в тексте перевода должны оставаться неизменными — заключается, следовательно, в том, чтобы обозначать одно и то же с помощью в принципе разных значений. Но чтобы обозначения могли оставаться неизменными, они должны быть известны. Следовательно, переводчик должен их сначала точно идентифицировать в тексте оригинала — или, во всяком случае,

в той мере, в какой это необходимо с точки зрения их передачи с помощью других значений, — и лишь затем соотносить эти обозначения с подходящими значениями в языке перевода:

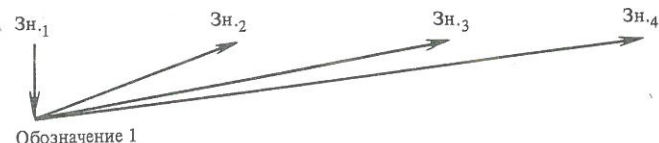
Это означает, что переводчику в зависимости от языков, с которых и на которые он переводит, большей частью приходится идентифицировать в исходном тексте различные типы обозначений. Скажем, при переводе с немецкого на русский или латынь в случае конструкции *mit dem Messer* переводчик должен ответить на вопрос, является ли «совместность» со-присутствием именно инструмента или же чего-либо иного, ибо в первом случае соответствиями в языках перевода будут *ножом* и соответственно *cultro*, тогда как во втором случае — *с ножом* и *cum cultro*. При переводе с итальянского на испанский в случае *venire* переводчик должен себе уяснить, идет ли речь о движении по направлению ко второму лицу или же о движении по направлению к первому лицу. В первом случае он должен выбрать *ir*, а во втором, напротив, — *venir*. В первой фазе перевода (интерпретация текста для перевода) переводчик идет «семасиологическим» путем: от языковых знаков (т.е., собственно говоря, от значений) к внеязыковым обозначениям; напротив, во второй фазе («передача») он идет «ономасиологическим» путем, т.е. от обозначений к значениям (языка перевода). То, что он «переводит», — это всегда обозначения; а значениями он оперирует постольку, поскольку в первом случае они для него являются инструментами интерпретации, а во втором — инструментами обозначения. Межъязыковые «соответствия», или «эквивалентности», хотя и устанавливаются между значениями, но не как эквивалентности между самими значениями, а всегда в опоре на обозначение: в каждом отдельном случае речь идет о конкретных соответствиях в обозначениях внеязыковых сущностей. «Переводческие ошибки» могут возникать как при интерпретации обозначений (в «семасиологической» фазе), так и при выборе соответствующих значений в языке перевода (в «ономасиологической» фазе).

2.4. Отчетливо ориентируясь на предложенную выше интерпретацию, Денисон (Denison 1981) предложил для обеих выполняемых переводчиком операций превосходные термины — *entsprachlichen* 'декодиро-

вать' и *versprachlichen* 'закодировать'*. И действительно, переводчик вначале должен «освободить от языковой оболочки» обозначения, содержащиеся в исходном тексте, т.е. от значений исходного языка для того, чтобы затем «облечь их в языковую оболочку», т.е. заново оформить их с помощью значений языка перевода. Правда, полное «декодирование» необходимо только для идеального перевода (на любой язык). Обычно переводчик с самого начала уже учитывает значения того языка, на который он переводит; это означает, что на практике он осуществляет «декодирование» лишь в той мере, в какой это необходимо для оформления обозначений с помощью значений языка перевода. Переводчику приходится выполнять эту операцию всякий раз, когда в языке перевода проводятся разграничения, не известные в языке оригинала (или когда в языке перевода разграничения проводятся иным способом). Более того, в подобных случаях ему приходится произвольно производить декодирование, если в тексте оригинала он не находит достаточной опоры для обоснованной идентификации обозначаемого. Скажем, при переводе с итальянского на немецкий в случае *scala* 'лестница', если в контексте есть *a piuoli* (букв. 'с перекладинами') или какое-то иное указание, что речь идет именно о переносной лестнице, то переводчик выберет тот тип обозначения, которому соответствует нем. *Leiter*; если же он, напротив, найдет в тексте, например, *ringhiera* 'перила', он идентифицирует тот тип обозначения, для которого в немецком языке существует слово *Treppe*. Если в тексте нет никаких надежных указаний, то переводчику придется произвольно выбрать либо *Leiter*, либо *Treppe*, поскольку с помощью немецкого языка невозможно передать то, что в итальянском обозначает слово *scala*, которое может обозначать и тот, и другой вид лестницы. При противоположном направлении перевода переводчик может отказаться от декодирования, поскольку ему известно, что для нем. *Leiter* и *Treppe* можно употребить ит. *scala*, а для фр. *porter* 'нести', *mener* 'вести' (а также *apporter* 'приносить', *amener* 'приводить') — ит. *portare* 'нести, вести'³.

3.1.1. Контрастивная лингвистика в принципе — это сравнение языков в синхронии; она изучает различия и аналогии между отдельными языками, т.е. между отдельными системами значений. Поэтому контрастивная лингвистика должна рассматривать один из сравниваемых языков как систему обозначений («картину мира») и сравнивать с ней другие языки — как оформление того же самого «мира» с помощью других значений:

* Т.е. *совлечь языковую оболочку и облечь в языковую оболочку*. — Прим. перев.

либо она должна избрать какой-либо *tertium comparationis*, который позволял бы сопоставлять эти языки на одинаковом уровне. В качестве *tertium comparationis* может служить либо универсальная система категорий (совокупность типов функций, способов и соответствующих парадигм), либо независимая от сравниваемых языков система обозначений, например, при «контрастивном» сравнении двух языков некий третий язык или сконструированная для этих целей, выходящая за рамки одного конкретного языка система обозначений. Сравнение с универсальной системой категорий в качестве *tertium comparationis* вполне оправдано и во многих отношениях целесообразно, но не приводит к полной контрастивной лингвистике. Напротив, такую возможность предоставляет сравнение, при котором в качестве *tertium comparationis* используется выходящая за рамки одного языка система обозначений; его, однако, крайне трудно осуществить. Легче всего производить «однонаправленное» сравнение, при котором эталоном для сравнения служит один из сравниваемых языков. Но недостатком такого сравнения является именно то, что оно однонаправленное⁴.

3.1.2. Вместе с тем контрастивная лингвистика возможна и на разных уровнях языкового структурирования, а именно: на уровне *языковой нормы* (обычная традиционная реализация имеющихся в конкретном языке функций, например содержательных функций: их обычное употребление для обозначения) и на уровне *системы языка* (уровень функциональных оппозиций в конкретном языке и их парадигм, например лексические поля и грамматические поля), а также на уровне *типа языка* (уровень принципов структурирования в конкретном языке, т.е. виды и категории функций и способов, рассматриваемых в их взаимосвязи). Вскользывающая контрастивная лингвистика должна была бы, конечно, детально учитывать все три уровня структурирования.

3.2.0. При этом в каждом случае необходимо учитывать два формально-методических условия.

3.2.1. Чтобы обеспечить рациональное сравнение, необходимо, во-первых, осуществлять описание сравниваемых языков строго одним методом, с использованием одинаковой техники и с помощью одного и того же понятийного аппарата. Другими словами, описание должно быть либо функциональным, либо генеративно-синтаксическим, либо генеративно-семантическим и т.д. В принципе нельзя сравнивать язык, описанный

функционально, с языком, описанным, скажем, генеративно-синтаксически. К этому формальному уровню не относится совсем иного плана вопрос о том, какая техника описания является наилучшей в абсолютном смысле. Лично я убежден, что, если необходимо выявить специфику структурирования отдельных языков, единственно пригодным является функциональное описание. Языки как таковые знают только одну «глубинную структуру», т.е. их семантическую структуру (структуру значения). Допущение внеязыковой глубинной структуры (как это делает генеративная грамматика) не может привести к действительному разграничению структур отдельных языков; более того, данное допущение — это изначальный отказ от такого разграничения.

3.2.2. Кроме того, собственно сравнение можно производить лишь после описания, другими словами, необходимо для каждого языка отдельно выявить и описать функции и категории. Так, нельзя предполагать, что некоторое различие существует в языке X лишь на том основании, что оно есть в немецком языке, или потому, что оно представляется необходимым для сравнения с немецким языком⁵.

3.3.1. Контрастивная лингвистика возникла как контрастивная грамматика. И ее еще часто называют «контрастивной грамматикой». Если же не ограничиваться лишь сравнением грамматических парадигм и грамматических способов, а сравнивать также функции и функциональные различия в отдельных языках, то сразу же станет ясно, что контрастивная грамматика не может быть только грамматикой в узком смысле слова и что она, напротив, должна одновременно учитывать разные сферы языка. Ведь сходные или даже идентичные разграничения в содержании разными языками нередко осуществляются в разных сферах их структурирования: одним языком, например, в грамматике, а каким-то другим — в сфере словарного состава или даже средствами фонетики. Так, различие грамматического характера между испанскими *tenía* 'иметь (имперфект)' и *tuvo* 'иметь (претерит)' в немецком языке часто отражается лексической оппозицией *hatte* 'имел' / *bekam* 'получил'. То, что в немецком языке обозначается частицами, в романских языках часто передается интонацией. А Болинджер показал (Bolinger 1972, 151 и сл.), что испанской оппозиции *ser* / *estar* в английском часто полностью соответствует оппозиция *to be* X 'быть x-ом' / *to be* all X 'быть совсем x-ом'. Приведу один пример, с которым связано одновременно несколько возможностей. Речь идет о функциональном различии «определенный / неопределенный» в русском языке в сравнении, например, с немецким. На первый взгляд и при сравнении на уровне постоянных системных функций и способов немецкий язык и русский язык противостоят друг другу как «язык с артиклем / язык без артикля». Если же внимательнее присмотреться к функциям, то ситуация окажется иной. В русском языке действительно не проводится различие, например, между *книга*, с

одной стороны, и книга (*определенная*) или книга (*какая-то*), с другой, т.е. чистая функция «актуализации» в русском языке отсутствует: она реализуется в контексте и в ситуации. Напротив, в русском языке имеется возможность то вторичное различие, которое в немецком языке передается большей частью как *das Buch / ein Buch*, т.е. как различие «определенный / неопределенный» (либо «уже воспринятый / еще не воспринятый», «известный / неизвестный»), выразить несколькими способами:

(а) порядком слов: например, *книга лежала на столе / на столе лежала книга*;

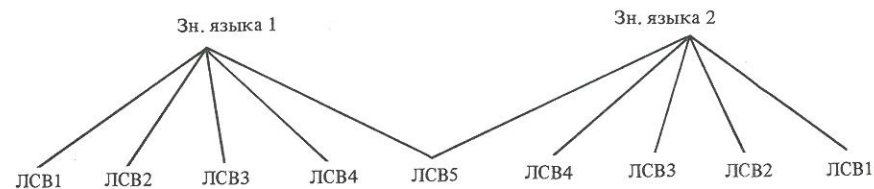
(б) интонацией, а именно «неканонической» интонацией при том же порядке слов, благодаря чему то же самое предложение оказывается способным выразить противоположную функцию: *КНИГА лежала на столе / НА СТОЛЕ лежала книга* (книга, а не что-либо иное ... / книга лежала на столе, а не где-нибудь еще);

(в) «лексически», т.е. словом, а именно союзом *и*: *вот дом / вот и дом* (там стоит дом / там стоит этот дом);

(г) винительным падежом (определенность) или родительным падежом (неопределенность) объекта в отрицательных предложениях.

В последнем случае появляется возможность характеризовать как «определенные» или как «неопределенные» даже имена собственные; например, *я никогда не любил Людмилу*, т.е. никогда не любил Людмилу (вполне определенную) — *Я никогда не любил Людмилы*, т.е. никого, кого бы звали Людмилей.

3.3.2. Во всех этих случаях речь идет о вторичных (т.е. о выражаемых нерегулярно или только совместно с другими) функциях, могущих, однако, соответствовать некоторым главным функциям в других языках. В большинстве случаев соотношение выглядит следующим образом:

Итак, какой-либо лексико-семантический вариант (ЛСВ) конкретного языка может соответствовать одному или совпадать с одним ЛСВ некоторого (иного) значения другого языка. Или одному ЛСВ какого-то языка в другом языке соответствует значение в собственном смысле слова, т.е. семантическая единица.

3.3.3. Именно поэтому контрастивная лингвистика, ориентированная на уровень типа языка и языковой системы, сравнительно мало плодотворна для перевода. При переводе речь идет не о соответствиях между

значениями (функциональными единицами конкретных языков), а о соответствиях между использованиями значений, т.е. ЛСВ. Поэтому контрастивная лингвистика языковой нормы — т.е. лингвистика, исследующая использование функциональных единиц, — ориентирована непосредственно на тот уровень, на котором осуществляется перевод.

Раабе (R a a b e 1972) это правильно увидел. С ним в этом отношении можно полностью согласиться. Однако в двух важных пунктах я придерживаюсь иного мнения. Во-первых, перевод в данном случае ориентирован не на текст, а на язык (иначе перевод вообще никак не соотносился бы с контрастивной лингвистикой). Действительно верно, что ЛСВ представлены только в текстах, поскольку язык реализуется только в текстах. Однако собственно ориентация на текст касается не ЛСВ, а того, что именно с ними делают, т.е. смысла, содержания текста. Но здесь речь идет еще не о смысле, а об использовании языка, т.е. о норме конкретного языка. Во-вторых, переводные эквивалентности содержат не *меньше*, а *больше* содержательных черт, чем использованные значения. Правда, общие моменты в использованных значениях исходного языка и языка перевода могут иметь меньший объем, чем собственные черты каждого из использованных значений в рассматриваемых языках. Так обычно и бывает. При переводе речь, однако, идет не о непосредственных соответствиях между значениями различных языков, а о классах обозначений в одном языке по сравнению с другим языком, а именно в зависимости от эквивалентности обозначения, т.е. о вариантах значения. А ЛСВ в каждом отдельном случае обнаруживает больше черт, чем соответствующая функциональная единица, поскольку к представленным в конкретном языке чертам в каждом ЛСВ добавляются еще черты, содержащиеся в контексте или в ситуации. Так, «и X тоже здесь как инструмент» содержит дополнительную черту по сравнению с «и X тоже здесь» конкретного языка⁷.

3.4. Поскольку в случае упомянутых выше «классов обозначений» речь идет о переводных эквивалентностях, можно вычленивать такие классы одного языка лишь в сравнении с каким-то одним другим языком. Ранее я указывал на то, что для практических целей (перевод, обучение иностранному языку) можно выделять классы ЛСВ в одном языке по сравнению с другим языком и что в зависимости от языков, с которыми производится сравнение, подобные классы могут быть различными (C o s e r i u 1966, 203 сл.: 1978 б, 229 сл.)⁸. Албрехт, например, систематизировал классы эквивалентностей нем. *eigentlich* 'собственно' в сравнении с французским языком (A l b r e c h t 1976). В первую очередь этой проблемой занимался Майер, который в данной связи пишет о внутриязыковой и конфронтативной «полисемии» (M e i e r 1978). Так, для нем. *abnehmen* 'уменьшаться' внутри немецкого языка он идентифицирует около двадцати «семем», т.е. типов использования (двенад-

пать из них с полной определенностью), а для перевода на итальянский — не менее 50, в том числе: *decrescere*, *calare* 'луна', *abbassarsi* 'уровень воды, отлив', *scemare* 'осадки', *andar scemando*, *placarsi* 'ветер, буря', *scendere* 'температура', *affievolirsi* 'умственные способности, сила эмоций', *accorgiare*, *calare* 'дни, сроки', *calare*, *diminuire* 'стоимость, цены, затраты', *dimagrire* 'животное' и т.д. А для ит. *prendere* 'брать' при сравнении с немецким языком нужно было бы, согласно Майеру, различать около 100 «семем».

С так называемой «внутриязыковой полисемией» вряд ли можно согласиться, но, пожалуй, можно согласиться (по крайней мере в принципе, хотя в деталях не всегда) с «конфронтативной полисемией», которая является, конечно, не «многозначностью» в одном и том же языке, а лишь полисемией, которая операционально предполагается при переводе с одного языка на другой в отношении эквивалентностей обозначения, т.е. полисемией, которая является не чем иным, как множественностью переводных соответствий в зависимости от типов обозначения⁹.

3.5.0. Именно такие соответствия должна была бы выявлять всеохватывающая контрастивная лингвистика двух языков. При этом в связи с языковой нормой следует учитывать еще два особых феномена.

3.5.1. Первый состоит во внутриязыковом соподчинении (Zuordnung) обозначений. В языках первичными являются значения — они представляют собой открытые возможности обозначения, — а значениям ставятся в соответствие обозначения, но не наоборот¹⁰. Сказанное означает, что соподчинение обозначений — даже в отвлечении от различий между значениями — в разных языках может быть разным, другими словами, одинаковые обозначения не обязательно ставятся в соответствие одним и тем же или сходным значениям. Это обнаруживается прежде всего в сфере этимологии (т.е. в отношении «именования»). Так, например, *Nachricht* 'известие' в немецком языке — «то, что сообщается», в итальянском — «нечто известное (*notizia*)», в русском и в румынском — «знание» (*veste*, *ştiire*), во французском, шведском и финском — «новость» (*nouvelle*, *nyhet*, *uutinen*). Финское *puisto* соответствует нем. *Garten*, *Park*, но является именем собирательным от *puu* 'дерево', т.е. может быть передано примерно как «дерев-ство». Финское *ilmasto* 'климат' — это имя собирательное от *ilma* 'воздух'. Определенный зуб в немецком и французском языках называется 'зуб мудрости' (*Weisheitszahn*, *dent de la sagesse*), в итальянском и в испанском — 'зуб способности судить о чем-либо' (*dente del giudizio*, *muela del juicio*), а в румынском — это 'зуб духа' (*măsea de minte*). Небезызвестный 'козел отпущения' по-немецки называется *Sündenbock*, по-испански — *chivo emisario*, по-итальянски — *capro espiatorio*. Определенное желательное свойство — это по-итальянски 'добрый смысл' (*buon senso*), по-испански — 'общий смысл' (*sentido común*), а по-немецки — 'здравый смысл' (*gesunder Menschenverstand*).

В подобных случаях нельзя сказать, что *Weisheit*, *giudizio*, *minte* соответственно *buone*, *común* и *gesund* или *sentido* и *Verstand* 'разум' в каждом отдельном случае означают одно и то же. Нельзя также утверждать, что *juicio*, *giudizio* означают нечто иное, нежели *judgement*, а *gesund* — нечто иное, чем *sano*, лишь потому, что они встречаются или не встречаются в этих словосочетаниях. Дело в том, что речь идет не о значениях, а об их использовании, о различиях в соподчинении обозначений. Вместе с тем аналогичную картину можно обнаружить и при синхронном функционировании языков. Нем. *betrügen* 'обманывать' как значение полностью соответствует итальянскому *ingannare*, а ит. *tradire* ' предавать' соответствует нем. *verraten*; однако, чтобы выразить «обманывать супруга/супругу», по-итальянски говорят не *ingannare*, а *tradire*: другими словами, один и тот же факт в итальянском и в немецком языках соотносится с разными значениями. Аналогично, когда речь идет об «использовании музыкального инструмента», по-немецки и по-французски большей частью скажут *spielen*, *jouer* 'играть', по-испански — *tocar* 'касаться', по-итальянски — *suonare* 'заставлять звучать', а по-румынски — а *cînta* 'петь'. Факты такого рода в языках весьма многочисленны. Однако они почти не исследованы и мало известны, поскольку большей частью не проводится различие между значением и соподчинением обозначений, что и в лексикографической практике приводит к нескончаемым трудностям и неувязкам¹¹.

3.5.2. Второй феномен, который необходимо принимать во внимание, состоит в фиксации значения для определенных обозначений, а точнее, в разных способах фиксации — от общей, обусловленной ситуацией, через пристрастие к определенным значениям или чисто «статистическое» предпочтение тех или иных значений до чисто материальной фиксации (например, порядком слов). Так, исп. *enterarse* 'разузнавать', *regatear* 'торговаться', *estrenar* 'обновлять' (например, предмет одежды), *despedirse* 'прощаться' по своему значению довольно точно соответствует ит. *apprendere* (*venire sapere*), *mercanteggiare*, *inaugurare*, *prendere congedo*; однако итальянские слова используются значительно реже, чем испанские. А в случае фр. *noir et blanc* 'черное и белое', нем. *schwarz-weiß* 'черно-белый' в сравнении с ит. *bianco e nero*, исп. *blanco y negro*, рум. *alb și negru* обнаруживаются лишь материальные, хотя и не безразличные для перевода различия в фиксации (Coseriu 1978 б, 233 сл.: 1970 б, 23).

4.1. Всеохватывающая, ориентированная на языковую норму контрастивная лингвистика двух языков, детально исследующая использование значений, была бы в состоянии установить все существующие в конкретном языке соответствия в обозначениях, хотя лишь в одном направлении (т.е., как отмечалось выше, французские соответствия нем. *eigentlich*, итальянские соответствия нем. *abnehmen*), и была бы идентич-

на теории перевода для этих двух языков, которая как наука описательная касалась бы каждый раз только двух языков и могла бы быть лишь «однаправленной».

4.2. На этой основе вырисовывается отношение контрастивной лингвистики к теории перевода и одновременно к самому переводу. Коль скоро контрастивная лингвистика сравнивает только структуры отдельных языков, другими словами, если она «типологична», то в лучшем случае она может быть для перевода лишь вспомогательной наукой; однако если она исследует действительное употребление содержательных — и тем самым материальных — структур, то она совпадает с теорией перевода, ориентированной на отдельные языки. Для такой контрастивной лингвистики — или для такой ее формы, или для данной ее части перевод являлся бы постоянным источником (констатация эквивалентностей в обозначениях предполагает по крайней мере имплицитный перевод), а результаты сопоставления были бы в каждом отдельном случае грамматикой перевода и словарем перевода. Перевод же как простая «передача» (Übertragung), т.е. ориентированная на отдельные языки техника поиска эквивалентностей в обозначениях, был бы в свою очередь применением или «оборотной стороной» контрастивной лингвистики такого рода (= теории перевода), оборотной стороной в двойном смысле: как отношение «значение — обозначение» и как отношение «исходный язык — язык перевода». В контрастивной лингвистике речь шла бы об установлении того, для каких обозначений используются те или иные значения, а при переводе — о поиске значений, которые можно было бы употребить для соответствующих обозначений. Правда, в однаправленной контрастивной лингвистике пришлось бы «язык перевода» соотносить с «исходным языком», принятым за систему обозначений; а при переводе задача состояла бы в соотношении обозначений «исходного языка» со значениями «языка перевода». Другими словами, немецко-английская контрастивная лингвистика, разработанная на базе немецкого языка, была бы теорией перевода с немецкого языка на английский.

4.3. Я все время говорю «было бы», «шла бы речь», «стало бы», поскольку на сегодняшний день столь детально разработанной контрастивной лингвистики еще не существует. Она пока представляет собой лишь желаемое и в то же время некоторую реальную программу. Ни для одного языка мы не располагаем ни грамматикой перевода, ни словарем перевода в изложенном выше духе. Однако речь идет о вполне реалистичной программе, на пути к осуществлению которой стоят лишь трудности эмпирического, но отнюдь не теоретического характера.

5.0. Между тем и идеальная контрастивная лингвистика не была бы в состоянии дать абсолютно все для перевода. В самом деле, перевод не может быть простым применением — даже самым тщательным образом

разработанной в указанном выше смысле — контрастивной лингвистики тех отдельных языков, о которых в каждом конкретном случае шла бы речь. Перевод ведь не просто «передача», не просто применение хорошо разработанной техники установления эквивалентностей в обозначениях средствами отдельных языков, но он одновременно — хотя и в разной степени зависимости от переводимых текстов — это «перевод» (то, что часто называется «искусством перевода») (Coseriu 1978 а, 29). И в этом отношении он обусловлен не столько конкретным языком, сколько — и это в первую очередь — «текстом». Данное обстоятельство накладывает ряд ограничений на необходимое, в иных случаях даже незаменимое использование контрастивной лингвистики в практике перевода.

5.1.1. Во-первых, контрастивная лингвистика занимается прежде всего отдельным языком как «свободной языковой техникой»; но тексты содержат не только применение свободной языковой техники, но и «воспроизведенную речь» (фразеологию или идиоматику в широком смысле слова) (Coseriu 1978 б, 218 сл.). А ведь до сегодняшнего дня не удалось разработать надежный, применимый во всех случаях метод и отшлифованную технику контрастивного описания «воспроизведенной речи». Заметим, что при этом речь идет отнюдь не о периферийном явлении отдельного языка, которое можно было бы учесть в каком-то разделе грамматики, а о целой области языка со своей собственной грамматикой, лексикологией и стилистикой, а отчасти даже со своей фонетикой.

5.1.2. Во-вторых, когерентная контрастивная лингвистика может создаваться лишь для целостных языковых систем, т.е. для «функциональных языков». Однако в текстах очень часто используются одновременно разные функциональные языки (разные диалекты, уровни и стили языка) одного и того же «исторического языка» (Coseriu 1978 б, 218 сл.). В принципе можно было бы для каждого функционального языка в отдельности создать контрастивную грамматику. Однако это едва ли решило бы те проблемы, которые возникают перед переводчиком, поскольку в текстах разные функциональные языки часто используются не изолированно друг от друга, каждый сам по себе, не наряду друг с другом, а одновременно. Так, неаполитанско-немецкая контрастивная грамматика была бы вполне пригодна для перевода с неаполитанского диалекта, но не для перевода итальянских текстов с вкраплением неаполитанского.

5.1.3. В-третьих, контрастивная лингвистика по своей природе учитывает только уже «существующие» соответствия в обозначениях. Однако в текстах часто встречаются и новые обозначения. И часто при переводе возникает необходимость создавать новые эквивалентности в обозначениях (также для уже имеющих в исходном языке обозначений).

5.1.4. В-четвертых, тексты обладают своими традициями, которые от-

нюдь не совпадают с традициями соответствующих языков. Определенные тексты в одной человеческой общности могут быть употребительными, а в другой вообще отсутствовать. Некоторые языковые приемы могут быть характерными в определенной текстовой традиции для текстов определенных видов. Так, минимальный текст *Guten Morgen* 'доброе утро' как приветственная формула существует у немцев, но отсутствует у носителей романских языков, исключая румынский. А что касается уже упоминавшихся выше языковых приемов, свойственных определенным текстам, то, например, для французских сказок типичен зачин: *il était une fois* 'был однажды', тогда как для румынской сказки характерен зачин: *a fost odată ca niciodată* 'было однажды как никогда', а для русской — *жил-был* или *жили-были*.

5.1.5. Наконец, перевод затрагивает не только обозначение, но и смысл. Однако контрастивная грамматика смысла возможна лишь в той мере, в какой смысл выражается языковыми средствами и в какой он сопряжен с конкретным языком, но отнюдь не в той мере, в какой смысл передается внеязыковыми средствами или с помощью не-обозначающих функций самого языка. Вместе с тем в сообществах носителей разных языков аналогичные обозначения могут передавать разный смысл, вследствие чего при переводе могут возникать противоречия между обозначением и смыслом. В одной и той же культурной общности (например, в западноевропейской) идентичные обозначения часто выражают тождественный смысл, вследствие чего эта проблема порой просто не осознается. Иначе, однако, обстоит дело, когда исходный язык и язык перевода относятся к совершенно разным культурным мирам. В подобных случаях противоречия между обозначением и смыслом весьма многочисленны. Из-за этого переводчик вынужден склоняться либо к обозначению, либо к смыслу, причем никакая контрастивная грамматика ему не может помочь (Coseriu 1978 a, 25 сл.).

5.2. Правда, все эти ограничения имеют разный вес. Так, определенно существует принципиальная возможность разработать контрастивную лингвистику воспроизводимой речи при условии, что функциональная «позиция» последней в конкретном языке точно известна^{1,2}, а также что контрастивная лингвистика не станет ограничиваться тем, что уже существует в языках, а будет учитывать также их открытые возможности (творческие приемы), а может быть, также и то, что впоследствии будет разработана техника контрастивного осмысления различий между функциональными языками в рамках одного исторического языка и языковых традиций, связанных с текстами определенных видов. Во всяком случае, подобные расширения затрагивали бы только уровень отдельного языка, а не текстовые функции как таковые, с которыми перевод имеет дело при выявлении и передаче смысла: для этого нужна была бы контрастивная лингвистика текста.

5.3. Однако в первую очередь контрастивная лингвистика как теория перевода сталкивается с непреодолимыми границами для ее применения именно в том, что в текстах выражается не языковыми, а внеязыковыми средствами — «благодаря знанию вещей». Внеязыковое, по определению, непереводаемо. Знание вещей, конечно, можно выразить языковыми средствами. В принципе любой язык позволяет описывать неизвестные «вещи» и тем самым делать их известными. Но это опять-таки обусловлено культурными рамками, лежащими в основе описания: если описывать какое-либо событие с позиций совершенно иного культурного мира, то легко может получиться карикатура. Приведу для примера текст, в котором содержится описание жизни немцев. Это описание весьма симптоматично с той точки зрения, что оно намеренно составлено с позиций той культуры, которая является фоном упомянутых в начале статьи рассказов М. Садовяну:

«В тех странах, где живут немцы и французы, люди ездят теперь по железной дороге. Сегодня они здесь, а завтра — кто их знает где».

«Как так: по железной дороге?» — спросил кто-то хриплым, недовольным голосом.

«Вы что же, не знаете, что такое железная дорога?» — спросил господин Дамиан улыбаясь.

«Я этого не знаю, — проворчал пастух упрямо. — Кто знает, что это за немецкое колдовство».

«Действительно, колдовство и чертовщина, — добродушно рассмеялся торговец. — Это своего рода домики на колесах. А колеса этих домиков едут по железным брускам. По этим брускам их легко тянет машина, которая свистит и пыхтит так, что рот разинешь; и так она сама едет, с помощью огня».

«Без лошадей?» — спросил Мош Леонте.

«Без!»

«Не могу в это поверить», — пробормотал пастух, а Мош Леонте перекрестился.

«А больше я ничего не видел, кроме огромной ярмарки в Лейпциге, кроме ярмарки, которая столь же велика, как целый мир, с представлениями и музыкой; и немцы там пьют пиво. Кто этого напитка, добрые люди, не пробовал, может об этом не жалеть, так как это нечто вроде горькой щелочи».

Примечания

¹ О простом совпадении этих единиц с соответствующими им единицами отдельных языков говорить не приходится. Не каждое вопросительное предложение является вопросом. И наоборот, вопрос можно выразить не вопросительным предложением, а каким-либо иным способом. В еще меньшей степени любое утвердительное предложение можно считать ответом; а *Guten Tag* 'добрый день' само по себе не обязательно используется как приветственная формула. См. (а также о разграничении обозначения — значения — смысла) (Coseriu 1973, 9 сл.; 1978 a, 20 сл.).

² Выдвигаемый здесь тезис был совершенно неправильно понят некоторыми излишне самоуверенными критиками, проявившими поспешность и теоретическую беспомощность. В частности, высказывалось возражение, что формула «и X тоже здесь» может быть применена не в любом случае, например в предложении *Er fiel mit der Nase auf den Boden* 'он стукнулся носом о пол', так как нельзя сказать он

упал на пол, и нос был при этом. В действительности эта формула мыслилась не как языковая, употребляемая во всех случаях парафраза, а как метаязыковая, как обозначение и разъяснение функции mit X. И в том смысле, в каком она мыслилась, ее можно без насилия употребить и в упомянутом выше предложении, например так: Er fiel, und dabei war seine Nase auf dem Boden 'он упал, и его нос оказался при этом на полу'.

³ В возможности отказаться от декодирования таится величайшая опасность для переводческой практики; если ею необдуманно воспользоваться, можно допустить грубые переводческие ошибки.

⁴ О проблематике контрастивной лингвистики см. (C o s e r i u 1970 б).

⁵ Например, в случае романского имперфекта нельзя заранее предполагать, что при этом речь идет о различиях в аспекте, «потому что немецкий язык не проводит этого различия», и ит. *ebbi* – *avevo* не может ставиться в соответствие нем. *hatte*, ибо это просто не так (ит. *ebbi* – *avevo* не может считаться различием внутри немецкого или универсального «*hatte*»). Романский имперфект как таковой можно вычленил только в пределах романских языков с помощью оппозиций, в которых он в этих языках функционирует. Лишь после этого его можно сравнивать с немецкими временными формами или с формами наклонений, и при этом становится ясно, что ит. *avevo* может соответствовать не только нем. *ich hatte* 'я имел', но также нем. *ich hätte* 'я имел бы', *ich werde haben* 'я буду иметь', *ich würde haben* 'я стал бы иметь' и т.д.

⁶ Ср. защищенную в Тюбингене диссертацию В. Биркенмайера (B i r k e n m a i e r 1979).

⁷ Ниже, как это отчасти было и ранее, в качестве примеров будут приводиться преимущественно лексические единицы, т.е. «слова», что, по-видимому, все же нуждается в пояснениях. Часто говорят, что слова не переводятся, и имеют в виду, что при переводе можно вроде бы не заботиться о словах: было бы достаточно устанавливать соответствия между единицами более высокого ранга (например, содержаниями предложений). Это суждение основывается, однако, на смешении предмета и отдельных операций, выполняемых при переводе. Справедливо лишь то, что слова как таковые не являются предметом перевода, ибо переводятся только текст. Но все то, что достигается текстом, должно быть «переведено», это означает, что для отдельных слов необходимо находить соответствия, коль скоро они какую-то роль в тексте играют. То обстоятельство, что такие соответствия могут быть чем-то иным, а не словами и что одному слову может соответствовать несколько слов (или наоборот), представляет собой совершенно иной вопрос. Поэтому можно установить, что какое-то слово не было переведено или же было переведено неправильно. Если переводчик переведет, например, ит. *arriva domani mattina* на немецкий язык как *er kommt morgen* 'он придет завтра', то слово *mattina* окажется непереуведенным. А если он, например, напишет *die weichen Verben* или *die mittleren Vokale* вместо нем. *die schwachen Verben* 'глаголы слабого спряжения' или *die Inlautvokale* 'внутренние гласные', то это будет свидетельствовать о неправильном переводе английских слов.

⁸ Так, для ит. *terra* при сравнении с румынским языком можно было бы выделить следующие классы: 1) местность, страна (рум. *țară*); 2) земля в отличие от моря и вообще воды (*uscat*); 3) 'мир' (*lume*); 4) земля как вещество (*lut*); 5) земля в комках (*țărână*); земля под ногами – в таких сочетаниях, как *a țerra, pe țerra* (*jos, pe jos*); 7) другие варианты (*prâmînt*). А в сравнении с немецким языком классы выглядели бы следующим образом: *Land* (земная поверхность, возможно, в противопоставлении воде), *Boden* 'почва', *Grund* 'грунт', *Welt* 'мир', *Heimat* 'родина', *Erde* 'земля'. Это означает, что лишь один класс, встречающийся к тому же не очень часто (*Welt* 'мир'), совпал бы в этих случаях. А если привлечь какие-то иные языки,

то и классы были бы, естественно, иными (C o s e r i u 1978 б, 230).

⁹ Так, в немецком языке «*abnehmen*» – это лишь одно целостное значение, одна функциональная единица. А так называемые «семемы», которые в нем различимы, – это не единицы конкретного языка, а лишь уточнения одной и той же единицы, другими словами, контекстуально и ситуационно обусловленные варианты употребления. В рамках одного и того же языка можно для определенных целей (скажем, при преподавании лексики) выделять типы вариантов с помощью специально подобранных замен, например, для ит. *terra*: *terriccio, suolo, terreno, possedimento rurale, tenuta, territorio, regione, paese, patria* и т.д.), с помощью антонимов (*cielo* 'небо', *mare* 'море', *acqua* 'вода'), с помощью специфического контекста и специфических конструкций (как *terra e cielo* 'земля и небо', *terra e mare* 'земля и море', *scendere a* или *in terra* 'высадиться на землю' – *scendere sulla terra* 'спуститься на землю') (C o s e r i u 1978 б, 230). Подобное явление само по себе, однако, не является полисемией (многозначностью). Так называемая «полисемия», которую хотели бы видеть в таких случаях, часто является не чем иным, как различиями между контекстуально обусловленными вариантами (т.е. не различными значениями; это одно и то же значение с разными дополнительными чертами).

¹⁰ Языковое содержание является таким, какое оно есть, не потому, что вещи заранее даны таковыми, а наоборот: вещи для нас являются теми или иными, поскольку они связаны с тем или иным языковым содержанием и изначально подразделяются так, как это диктует язык.

¹¹ Аналогичные случаи встречаются, естественно, и в грамматике в узком смысле слова, и, возможно, даже чаще. Ср., например: фр. *boire dans un verre* – нем. *aus einem Glas trinken* 'пить из стакана'; фр. *dans la rue*, ит. *nella strada* – нем. *auf der Straße*, рум. *pe strada* 'на улице'; нем. *mit dem Hut auf dem Kopf* – ит. *col capello in testa*, рум. *cu pălăria în cap* 'в шляпе'. И в этих случаях нельзя на основе лишь приведенных примеров утверждать, что фр. *dans* и нем. *aus*, ит. *in* и нем. *auf* обозначают одно и то же или что фр. *dans* не соответствует нем. *in*, а нем. *auf* не соответствует фр. *sur*, ит. *su*; ведь речь идет опять-таки не о значениях как таковых, а о соподчинении обозначений. Во французском и в итальянском языках улица в населенном пункте действительно трактуется как замкнутое пространство. Но это не относится к дороге за пределами населенного пункта (ср. *sur la route de Louviers* 'по дороге на Лувье', *sulla strada che va a Camogli* 'по дороге, которая идет в Камольи').

¹² О функциональной трактовке «воспроизведенной речи» см. новаторскую диссертацию Туна (T h u n 1978), в которой осуществлено «контрастивное» или по крайней мере сравнительное исследование.